

АППАССИОНАТА РОССИИ

Владимир Борисович Соколов родился в 1957 году в Макеевке на Украине. Вырос в г. Череповце Вологодской области. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет журналистики. В Оренбурге с 1979 года. Работал в оренбургских СМИ, последние 13 лет – в газете «Южный Урал». Член Союза журналистов России, руководитель авторской школы фотомастерства. Преподавал творческие дисциплины в Оренбургском колледже сервиса. Сотрудничает с книжными издательствами России, участник многих книжных проектов, автор обложек журнала «Гостиный Дворъ». Занимается изучением истории и теории творчества. Автор книг «Долгий запах черёмухи», «Казаки», «Тайна горизонта» и др. Живёт в Оренбурге.

Что посеешь...

Конкурс красоты 90-х, подиум, кастинг. Ведущий опрашивает участниц согласно регламенту конкурса.

– Кто написал полонез Огинского?

Полное молчание.

– А вальс Грибоедова?

.....

– Кому поставлен в Питере памятник «Медный всадник»?

.....

– Что такое Хиросима и Нагасаки?

– Пицца?

– Земля вращается вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли?

.....

– Кто такой Ленин? А Леннон?

– Ой, да чё вы нас всё спрашиваете, мы же не знаем...

– А что такое эрудиция?

– А!.. Ну, это, когда я накрашена, и причёска там, и я такая вот участвую здесь.

(популярный в Ютубе видеоролик)

«Я боюсь, что обязательно настанет день, когда технологии превзойдут уровень простого человеческого общения. И тогда мир получит поколение идиотов».

Альберт Эйнштейн

Современным молодым людям трудно понять свою страну. Ведь многие важнейшие основы вкладываются в их головы в готовом виде.

А что не посеяно — не взойдёт. Если дома или в школе ребёнку не привили навыки чтения, откуда у него появится опыт критического суждения, опыт сомнения... Я уж не говорю про уровень абстрактного и исторического мышления.

Третий образовательный стандарт. Конечно, не наш. Оттуда.

Образование — сфера услуг. И точка. А ведь именно чтение формирует личность человека. Литературное творчество обладает для этого и эволюционным, и духовным потенциалом.

За свою восьмилетнюю практику преподавания творческих дисциплин и в собственной авторской школе, и в государственном колледже я убедился в неготовности большинства выпускников школ мыслить самостоятельно.

Мозги заменяет гаджет (вот уж воистину лучше не скажешь: гад лукавый). Доходило до курьёзов. На простейший вопрос о линейной перспективе, где и требовалось-то всего два слова,

я с изумлением получил от моей студентки четырёхстраничное исследование математических закономерностей системы кватернионы.

Ребята мыслят о творческих понятиях более самостоятельно, рационально, опираясь на практический опыт, а девочки — неуверенно и в основном лапидарно. К счастью, в профессии бывает всё наоборот. Взрослеют, набираются опыта, осваивают новые технологии, и уже те же самые девчонки показывают более креативные результаты за счёт синтеза впечатлений, интуиции, воображения. Во всяком случае, на моей памяти таких удачных дебютов среди них было больше. Значит, можно и нужно прививать «разумное, доброе, вечное»? Причём целенаправленно, чтоб лукавый не завлёк в свои сети.

Бубен или симфония?

Тысячелетняя история России — это история освоения великого пространства и постижения смысла своего существования в этом пространстве. Чем дальше от нас уходят события прошлого, тем трудней увидеть в них закономерность и перспективу. Но попробуем соединить в воображении их отдельные фрагменты и отголоски, чтобы оценить грандиозный путь предков, создавших и сохранивших нашу цивилизацию. Представим гипотетически некий радиоприёмник,

настроенный на волну, бегущую из глубины столетий, и услышим сквозь помехи и треск эфира:

Череп Олега. Ярославна плачет в Путивле.

Русалки на ветвях. Тмутаракань.

Иго, орда, дань.

Малюта. Дыба. Смута. Поляки. Сусанин.

Царевич, убиенный в Угличе.

Раскол. Авакум. Скиты. Изуверы.

Ермак. Казаки. Разин. Емеля.

Град Китеж. Соловки. Валаам.

Оптина.

Сергий Радонежский, Троица.

Салтычиха. «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

«Что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать!»

Окно в Европу. Наполеон. Суопстаты.

«Восток» и «Мирный». Открытие Антарктиды.

Сенатская площадь, эшафот. Западники. Славянофилы.

«Тварь ли я дрожащая или право имею?»

Бесы. Террор. Каракозов. Гапон. Имам Шамиль. Шитка. Севастополь.

«Варяг». Порт-Артур. Цусима. Мазурские топи. Брусилов. Столыпинские реформы. Распутин.

Отречение. Русская Голгофа.

«Поручик Голицын, корнет Оболенский».

Ганина яма. Голод. ГУЛАГ. «Громыкание чёрных марушь».

Днепрогэс. «Тихий Дон».

Дорога жизни. Пискарёвское кладбище. Дневник Тани Савицовой.

Мамаев курган.

«В полях за Вислой сонной лежат во мгле сырой...»

Хатынь. Майданек. Освенцим.

9 мая.

Циолковский. Спутник. Гагарин.

Палаточный Братск.

«Идут белые снеги, как по нитке скользят...»

9 рта.

Атомный крейсер «Курск».

Крым. Донбасс...

Вряд ли сейчас у молодого человека из этого потока звуков сложится общая мелодия судьбы. А ведь за каждой строчкой — или триумф, или трагедия. Это не бубен шамана звучит в эфире — симфония. Аппассионата России.

Любой школьник может загуглить каждое слово из этого списка и получить представление, что стоит за этим! Но никакой интернет не даст ответ, почему именно Ивана-дурака в гостях у Бабы-яги уговаривают добровольно сесть на лопату и отправиться в печь. И почему слуга Савельич в «Капитанской дочке» слёзно умоляет Петрушу Гринёва, стоящего с петлёй на шее перед Пугачёвым: «Батюшка Пётр

Андреич! Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злодея ручку!»

Я же постараюсь ответить на эти вопросы в конце статьи.

По ком воев труба архангела?

Важно понять, в чём состоит особый путь России. Это вектор цивилизации страны. Понятно, что у разных народов жизненный опыт создавал разное отношение к своим ценностям. Эгоцентризм и прагматизм на Западе, умозрение и погружение в себя на Востоке — и открытый тип души русского человека, устремлённой вовне, к горизонтам всемирной отзывчивости.

С античных времён менялы ссужали деньги под проценты. Рост денег с той поры стал основой мирового развития. Ростовщичество порождает банковскую систему, позволяющую экстенсивно развивать экономику и торговлю. Проценты за кредиты заставляют производить всё больше товаров, истощая ресурсы и привлекая всё новые кредиты. Возникают конфликты, борьба за рынки сбыта, войны.

Вот почему Христос изгонял из храма менял и торговцев.

Таким образом, банковский кредит создал тупиковый вектор развития экономики с неизбежными кризисами. Между тем давно существуют отработанные

технологии, которые могли бы прокормить мир, но тогда комфорт и благополучие современной западной системы сейчас же накрылись бы медным тазом. Беспроblemное комфортное общество оставлено Богом. История в нём остановилась.

Выбор России был изначально другой. Покой и комфорт чужды были идее праведности, которой жила крестьянская страна. Крестьянство — это идеология труда. Вопреки мнению об отсталой экономике России, наши предки знали толк в рачительном ведении крестьянского хозяйства. Это был свой собственный опыт, основанный на многовековой мудрости народа, живущего в согласии с круговоротом живой природы.

Александр Энгельгардт в своих знаменитых «Письмах из деревни» развенчал мифы об отсталости нашего хозяйствования на земле и, выехав в собственное имение, посвятил несколько лет тщательных исследований изучению всего уклада помещичьего и крестьянского хозяйства середины XIX века. От этого увлекательного чтения невозможно оторваться и сейчас. А может, именно сейчас это и выглядит наиболее парадоксальным в силу нового опыта поколений, оторванных от земли. Не зря «Письма...» вошли в списки обязательных дисциплин экономических вузов. Читая эти невероятные

диалоги с простыми крестьянами, русскими мужиками и бабами, постоянно вспоминаешь лесковского Левшу, подковавшего затейливую английскую блоху.

Суть народной экономики в гармонии с круговоротом природы, бытом и народными обычаями, регулируемыми отношениями людей, — лад, согласие. Согласие человека и природы, о чём писал вологодский писатель Василий Белов в одноимённой книге «Лад».

Тысячелетняя Россия никогда не была оставлена Богом, пока жила в ладу с этой идеологией.

Лишь один раз она на время отвернулась от Него. На весь XX век. И взошла на свою Голгофу.

Тоска по идеалу

Настоящую литературу отличает тоска по идеалу. Это и есть то отличие духовной классической литературы, что делает её всегда современной. В какой-то мере эта тоска зарождается и в душе 17-летней девочки, мечтающей о богатстве и комфорте, но, взрослея и развиваясь, она приобретает собственный опыт.

Русская литература вместила в себя всю полноту мысли и нравственных исканий своего времени. Она всегда поднимала существенные вопросы жизни. Она стала великой, потому что была кровно связана с почвой и судьбой, с историей своей

страны. Книги Фёдора Достоевского «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Идиот», Николая Гоголя «Мёртвые души», Льва Толстого «Анна Каренина», «Война и мир» читают во всём мире, потому что они отвечают на универсальные вопросы человека, независимо от его национальности и подданства.

«Через нашу литературу, рождённую Россией, признаётся миром сама Россия, запечатлённая в письменах».

Иван Шмелёв

Посмотрим, за что присуждалась Нобелевская премия по литературе русским писателям (российских принципиально нет, национальную принадлежность определяет язык произведения).

Формулировки Нобелевского комитета:

Иван Бунин — за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы;

Борис Пастернак — за выдающиеся заслуги в современной лирической поэзии и в области великой русской прозы;

Михаил Шолохов — за художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время;

Александр Солженицын — за нравственную силу, почерпнутую в традициях великой русской литературы;

Иосиф Бродский — за многогранное творчество, отмеченное остротой мысли и глубокой поэтичностью;

Светлана Алексиевич — за многогласное творчество — памятник страданию и мужеству нашего времени.

В прошлом веке Россия пережила сразу два слома политической системы, нарушив историческую преемственность. В 90-е годы страной был выбран ошибочный цивилизационный код — ориентация на Запад. Но основные национальные традиции всё же остались. Пусть не на государственном уровне, на уровне «общество, семья, человек», благодаря в том числе и богатому наследию нашей литературы, сохранившей великий опыт поколений.

Странствия мечты

Нужно понять, что такое русская душа и в чём состоит её томление.

Неотделимая от природы, дарующей живые впечатления, душа русского человека созерцательна. Впечатлительность закладывается уже в детские годы. Сказки на ночь, тень от свечки на потолке, капля солнца на мокрой вишне в саду... И воображение начинает жить своей жизнью.

Рассказы классика русской литературы Сергея Аксакова о

живой связи человека с природой, написанные прекрасным русским языком, вошли во все школьные хрестоматии. Аксаков первый поднял тему хрупкости природы и впервые заявил об ответственности человека за её сохранение.

Любовь к природе родного края побуждает желание увидеть, что там за горизонтом, за морями и лесами, какие люди там живут. Ведь если этой связи не будет, не будет и желания увидеть что-то новое. Без впечатлений убог и нищ человек и нет ему дела до природы.

Бескрайние просторы России были полны верениц странников, богомольцев, путешествующих по святым местам. Странничество — особый образ жизни православного, свойственный исключительно русскому человеку. Форма духовного подвига, поиска смысла жизни, правды и Бога. Из края в край, из города в город, из страны в страну шли они, питаясь подаянием. Остановившись на ночлег, они делились с хозяевами новостями обо всём важном, что встречали в пути. Многие странники сопровождали свои рассказы игрой на инструментах, пением. Благодаря им сохранились старинные русские песни и сказания. Странники играли большую роль в формировании общественного мнения. Их очень ценили.

«Один из самых русских писателей» Николай Лесков оставил

нам чуть ли не во всех своих произведениях примеры русско-го национального характера: в образах странствующего праведника Ивана Флягина в «Очарованном страннике», мятущегося дьякона Ахиллы в «Соборных», тульского мастера Левши, посрамившего своим мастерством искушённых англичан.

Русский характер устремлен вовне, за границы личного пространства, благополучия и комфорта. Самая первая светская книга о странствиях — «Хожение за три моря» — была написана на Руси ещё в 1475 году тверским купцом Афанасием Никитиным. Преодолев Каспийское море, через Персию и Аравийское море он проложил маршрут в Индию, а вернулся домой другим маршрутом, через Чёрное море — по Днепру. В середине XVII-XVIII веков первые казаки — экономически, а православные святители и миссионеры — духовно осваивали и просвещали дальние пределы государства на востоке. Землепроходцы Ермак Тимофеевич, Семён Дежнёв, Василий Поярков, Ерофей Хабаров... Они первыми шли на восток с Урала, открывая Сибирь. Прорубались сквозь лес, одолевали горные перевалы, посуху перетаскивали пожитки из одной водной системы в другую; Обь, Енисей, Лена, Индигирка, Кольма, Анадырь, Амур были рубежами в великом движении на восток. Оставляли за собой многочисленные кресты,

избы, зимовки, остроги, городки, которые немедленно заполнялись служивым и промышленным людом. Сургут, Тюмень, Тобольск, Берёзов, Обдорск, Мангазея, Енисейск, Иркутск, Якутск, Охотск, Петропавловск-Камчатский — великие вехи этого пути. В Тобольске сохранилась легендарная «Ремезовская летопись», один из самых ранних памятников русской картографии, первый атлас России. В Якутске — «скаска» Семёна Дежнёва. Многотомная «История Сибири» была написана в результате походов, исследований, расспросов.

России удалось стать империей, объединяющей разные народы, и распространить своё культурное влияние через Сибирь в Азию, на Камчатку, в Китай, Японию и Америку. Первопроходцами были самые разные люди.

Экспедиции адмирала Фаддея Беллинсгаузена удалось достичь Сандвичевых островов и первой открыть новый материк — Антарктиду. Кругосветные экспедиции «под российским небесным флагом» побывали на всех широтах, умножая славу и величие страны. Дипломатическая миссия графа Путятина в Японию описана в знаменитом романе Ивана Гончарова «Фрегат «Паллада»».

Скорость, с какой русские предприниматели осваивали Америку, поражает. 16 июля 1741 года команда капитана Витуса Беринга ликovala: «Земля!!!» Прямо по

курсу пакетбота «Святой Пётр» сияли на солнце ледяные шапки Аляски. Правда, девятью годами раньше землепроходцы Иван Фёдоров и Михаил Гвоздев по пути чукчей на утлом судёнышке дошли до Большой Земли ещё в 1732 году. Но пристать к берегу из-за ветра не смогли.

В 1780 году вся Америка от Аляски до Калифорнии была русской. Вояж в 1807 году в Калифорнию авантюрного графа Резанова хорошо всем известен благодаря рок-опере ««Юнона» и «Авось»», написанной на стихи Андрея Вознесенского. Спектакль стал визитной карточкой Ленкома. Он до сих пор собирает аншлаги во многих российских театрах.

Но ещё годом раньше, в 1806-м, первопроходцем у истоков российско-американских отношений оказался не дипломат, а хваткий вятский купец Ксенофонт Анфилатов, основав на восточном побережье Америки фактории для торговли мехами, специями, восточными пряностями и другим колониальным товаром. А уже через три года в Филадельфии и Бостоне было открыто первое русское консульство.

Установление дипломатических отношений тогда было выгодно Америке, которая нуждалась в поддержке России. Анфилатов был полностью освобождён от пошлин, а его барыш от торговли составил полтора миллиона рублей.

Российскую империю Александра I с крепостным правом и американскую республику президента Томаса Джефферсона сближало рабство. Правда, в России рабы были свои, домощенные (почти 98% всех помещичьих крестьян), а в демократической республике президента Джефферсона — привозные, принудительно захваченные в рабство.

XIX век был временем последних великих географических открытий. Россию прославили её ученые, исследователи, путешественники: Н.М. Пржевальский, П.П. Семёнов-Тян-Шанский, Н.Н. Миклухо-Маклай и другие великие странники России.

Между ангелом и бесом

Устремления России не будут поняты без освещения самых тёмных углов российской многовековой действительности. Россия, как православная страна, была обречена на вечное искушение дьявольскими кознями. Доверчивость и простодушие верующих и неграмотных людей часто оказывались во власти политических интриг и страстей.

Многовековая драма православия — церковный раскол середины XVII века. Реформы патриарха Никона содержали в основном формальные нововведения: крещение тремя перстами вместо двух, были исправлены некоторые церковные книги и

так далее. Но для православного русского человека вера крепка, когда пребывает во всей полноте и чистоте, неизменной от отцов и дедов. Поэтому ревнители строгой веры увидели в нововведениях Никона происки дьявола.

Раскол породил многовековую историю старообрядчества в России с её различными толками и конфликтами. Приверженцы «истинной веры» искали спасения в местах, недоступных для власти и официальной церкви, строили раскольничьи скиты за Уралом, в Сибири, Поволжье. Духовным и идейным лидером раскола был протопоп Аввакум, отсидевший в Пустозерске в земляной яме 15 лет и написавший первую в России автобиографическую повесть «Житие протопопа Аввакума» (1672).

Исход крестьян с насиженных мест имел массовый характер. Этот протест — жить, как жили наши предки — принимал в скитах изуверские формы коллективных самоубийств, массовых самосожжений, самоутоплений, замориваний голодом, закапываний живьём в землю, замуравываний. Это, конечно, не касалось жизни всех староверов, но в отдельных случаях в одной местности горели сразу десятки кораблей (церквей вместе с людьми). Корабль у сектантов был символом переселения в другой мир. Особенно свирепствовали представители изуверских сект — хлысты

и скопцы. Бывали случаи, когда поджоги были организованы искусственно самими авторитетами общин в политических и корыстных целях и не имели к вере никакого отношения. Сгорел корабль, и концы в воду. Десятки тысяч староверов погибли в те страшные времена, а всего раскол поддерживало более десяти миллионов православных христиан России.

Андрей Мельников-Печерский подробно и со знанием дела описал уклад жизни и духовные ценности старообрядцев в своих книгах «В лесах», «На горах», популярных и в наши дни. Василий Песков уже в конце 1970-х обратился к теме старой веры в книге «Таёжный тушик». Драматическая судьба семьи из шести человек: Карпа Лыкова и его семьи, проживших 40 лет отшельниками в окрестностях Саянской тайги в Хакасии, — вызвала небывалый читательский резонанс и выдержала большое количество переизданий. А в 1990-х писатель снова вернулся к этой теме в последней крупной работе «Аляска больше, чем вы думаете» о наших современниках, русских староверах, живущих в Америке. Тема раскола и в наши дни остаётся актуальной для историков и писателей. К ней обращается Глеб Пакулов в романе «Гарь», затрагивает Алексей Иванов: «Тобол», «Золото бунта». Особенно глубоко тему

раскола отразил Владимир Личутин в романе «Скитальцы» и трилогии «Раскол».

Крепостное право в XIX веке уже существенно раскалывало российское общество. В отдельных случаях информация о жестокости помещиков прорывалась и вызывала в обществе взрыв негодования, как история помещицы Салтычихи, истязавшей своих крепостных на грани садизма и безумия. Только доказанных следствием и найденных останков её личных жертв — 148.

Михаил Салтыков-Щедрин показал изнанку, бытовую сторону крепостничества в «Пошехонской старине» и других своих книгах. Варварское отношение к человеческому достоинству укоренилось в российской действительности. Тема маленького человека стала содержанием первых произведений критической русской мысли, как и тема насилия над личностью.

Творчество Фёдора Достоевского — это сплошной крик униженной души: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бедные люди», «Униженные и оскорблённые», «Подросток», «Село Степанчиково и его обитатели»... В «Записках из Мёртвого дома» Достоевского интересовала психология сильной личности среди каторжан, позволяющая сохранять достоинство даже на самом дне отчаяния. Нравственная дилемма, поставленная автором в

романе «Преступление и наказание», ой как аукнется российскому обществу уже во второй половине XIX века. Тогда, в 1860-х, читатели только заглянули в бездну и в ужас отшатнулись. Но скоро на улицах уже загремят взрывы, запыхают полицейские участки, прольётся кровь представителей монархии... Место раскольниковых и прочих слезливых хлюпиков займут социальные упыри, которые не будут задавать себе никаких вопросов. Оказывается, убивать можно! «Подходи, буржуй, глазик выколю!»

Антон Чехов в книге очерков «Остров Сахалин» исследовал социальный фактор каторжного труда и быта заключённых для всего российского общества. Книга вызвала небывалый резонанс. Были приняты законодательные меры для изменения системы наказаний.

В конце XIX века проявился писательский талант Сергея Нилуса, автора серии книг, ставших бестселлерами: «Святыня под спудом», «Оптина Пустынь», «Сила Божия и немощь человеческая», «Близ есть при дверех». Обществу, погрязшему в неверии и бесовщине, беременному великими потрясениями, предлагалось напомнить о спасительных ценностях православного пути. Духовная красота христианской мысли, опыт жизни великих старцев, многие из которых были в ту пору ещё живы, всколыхнули

общественный интерес к историческим традициям, к паломничеству по святым местам России — к Троице, в Оптину, в Дивеево, Саров, Белозерск, на Валаам, Соловки...

До революции в России действовал 881 монастырь. К 1991 году их осталось 18.

Современному молодому читателю совершенно невозможно понять свою страну, те идеалы, которыми жили наши православные предки, не прочитав книг Ивана Шмелёва «Богомолье» и «Лето Господне».

В том числе и «Солнце мёртвых» Шмелёва (Томас Манн: «Прочтите это, если у вас хватит смелости»), и «Окаянные дни» Бунина. Только тогда до читателя дойдёт смысл понятия Русская Голгофа.

Писатели, философы, поэты, учёные русской эмиграции этого периода (1918-1922) кровно связаны культурной, языковой традицией и судьбой страны. Благодаря им сохранилось наследие России: архивы, тексты, мемуары, документы эпохи. И пока в эмиграции звенели «серебряные шпоры», в России, засучив рукава, РАПШы, Пролеткульты и Швондеры уже замешивали дрожжи своей культуры и изобретали свой новояз. Вот несколько примеров из списка имён для новорождённых, которые официально предлагались родителям: Авиахим (Авиация и химизация), Даздраперма (Да

здравствует Первое мая), Левок (Ленин в октябре), Кукуцаполь (кукуруза — царица полей), Дрезина (малая автономная железнодорожная платформа), Паровоз, Тракторина, Пятилетка, Даздрасмыгда (Да здравствует смычка города и деревни). Многие люди вынужденно соглашались записать своё дитя под новым именем, но потом всегда этого стыдились.

В России беснование было и религиозной, и социальной реальностью. Толпы психически ненормальных людей крутились возле храмов, выпрашивая подавание. Стихийные бунты находили выражение в насилии и жестокости без всякой внешней причины. Тёмные иррациональные мотивы векового помещичьего рабства, чиновничьего произвола, обида и нужда, лишения, болезни, войны копились веками, бурлили время от времени, но находились под спудом закона. До большевиков. Те разрешили всё и всем. И всем — ЭТИМ — сразу стало легче.

Постепенно с фронтов возвращались писатели, понюхавшие порошу. Бабель, Зощенко, Булгаков, Платонов, Катаев. Из Одессы потянулась литературная молодёжь: Олеша, Багрицкий, Илья Ильф, Евгений Петров. Литературная жизнь наполнялась новым содержанием. Писатели искали свой новый язык и нового героя дня. На время появилась сатира, социальная утопия. Были

написаны «Конармия», «Чевенгур», «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада».

Появилось ощущение чего-то страшного. Того, что было во всех этих текстах: примет будущего человека. Читатель увидел плоть, лишённую духа.

Через тернии

Современная русская литература исторически осмысляет реалии жизни. Рассказ Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», напечатанный Александром Твардовским в «Новом мире» в 1962 году, в период оттепели, был первым произведением в Советском Союзе на эту тему. Он открыл путь другим великим книгам о судьбах, перемолотых ГУЛАГом: с 1931 по 1947 год — 1111448 жизней заключённых (это только в лагерях). Прежде всего, это роман «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, соловецкое лагерное наследие академика Дмитрия Лихачёва («Соловки») и колымское — Варлама Шаламова («Колымские рассказы»). Тема лагерной жизни, страдания переселённых народов, репрессий, рабского труда осталась в творчестве современных писателей. Это Анатолий Приставкин («Ночевала тучка золотая»), Захар Прилепин («Обитель»), Виктор Ремизов («Вечная мерзлота») и другие.

Есть книги, которые можно назвать воистину событием

в литературе, если знать историю их написания. Например, роман Роберта Александровича Штильмарка «Наследник из Калькутты». Книга, от которой невозможно оторваться, 700 с чем-то страниц, была написана доходящим от голода и побоев узником ГУЛАГа по заданию лагерного авторитета, ссученного вора Василия Василевского. Плата за работу — дополнительная пайка хлеба, которую вместе с ним делили посвящённые в сделку товарищи Штильмарка. Они же его сначала и прятали на верхних нарах барака, как больного, снабдив осколком зеркала, которым он в темноте направлял свет от окна на обрывки листов. Впоследствии Василевский перевёл его в подсобку бани.

Интеллект писателя, с трудом сжимавшего карандаш — от бессилия и воспаления лёгких, — сумел создать сложнейший по напряжённости сюжет авантюрного романа с детально прописанными бытовыми и историческими реалиями своего времени, охватывающий одновременно развитие и взаимосвязь просто немыслимого количества сюжетных линий и драматических коллизий по всему миру. По завершении работы роман был издан под фамилией этого вора, получив признание критики. Василевский заплатил уголовникам, чтобы те убили Штильмарка, как свидетеля. Но те «развели» его, убедив, что Сталин, к которому собирался обратиться Василевский

от своего имени с просьбой об освобождении и издании книги, не поверит безграмотному вору. Долгие годы друзья и наследники Штильмарка боролись за восстановление авторского права. И хотя, в конце концов, истина восторжествовала, и роман неоднократно был переиздан, доходы от издания в силу подписанного Штильмарком кабального договора в большей степени достались самому авторитету, уже освободившемуся к тому времени.

Чтобы в будущем доказать своё авторство, Штильмарк зашифровал в книге фразу «лжеписатель, вор, плагиатор». Её можно обнаружить, если читать первые буквы каждого второго слова во фрагменте из двадцать третьей главы. Когда издательство «Детгиз» узнало, кто настоящий автор, оно подало на Василевского в суд. Тот сознался, что не писал, а лишь создал условия. И последующее издание книги уже вышло под авторством только Штильмарка. Тысячи подростков зачитывались ей, открывая для себя мир, романтику морских сражений, кораблекрушений, новые страны, яркие характеры...

Конечно, были и другие книги о том времени: трилогия «Хождение по мукам» Алексея Толстого, «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Бег» Булгакова. Но всё, что нужно, Булгаков уже сказал в «Собачем сердце».

А главной книгой о России, получившей Нобелевскую премию, стал «Тихий Дон», трагический эпос Михаила Шолохова о драме казачества. Знаменитый роман сопровождала мутная история лжи, зависти и интриг. «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна» и другие развязали информационную войну, отрицая авторство Шолохова. Сколько международных литературных конференций, «научных» трудов, привлечений ведущих мировых экспертов, дебатов и полемики в прессе! Сколько беспардонных — на весь мир — обвинений в плагиате!

Нужно было найти рукопись «Тихого Дона». Во время войны Михаил Александрович передал её на хранение своему приятелю Василию Кудашеву. Спрятали её где-то далеко, на антресолях, завалив всяким хламом. Сам хозяин квартиры погиб на войне, а жена его долгие годы не знала, что хранится на антресолях. Однажды, разбирая старые вещи, в одной из коробок она обнаружила рукопись. Начались многолетние разбирательства литфондов и наследников, переговоры с хозяйкой, которая избегала всякой публичности. Наконец, в дело вмешался премьер Владимир Путин, и рукопись была выкуплена уже у потомков владелицы квартиры за 50 тысяч долларов. После этого все спекуляции об авторстве отпали.

Так в рассказе «Светопреставление» о зимнем подлёдном лове на Рыбинском водохранилище он описывает, как один череповецкий сталевар на продувном ветру в январе, в одной мартеповской войлочной куртке на голое тело, вытащил невесть что с разинутой пастью, усеянной зубами, способными перегрызть, казалось, даже гвозди. Рыбаки в смятении отпрянули от лунки.

— Да это берш, сорная рыба. Первый год такую встречаем, — деловито пояснил мартеновец. — И не судак, и не щука, а так, подлость одна. Отходы комбината пожирает, наверное.

И, отрезав леску с крючком, отбросил зверюгу в сторону.

Писатель увидел в образе этого «берша» наше будущее, которое случилось ровно через пять лет, когда в начале 1990-х мутанты у власти развалили великую страну, а жизнь нашу наполнили как раз такие «берши» с бицепсами и акульими зубами.

Второй рассказ «Ловля пещерей в Грузии» и вовсе имел скандальный резонанс по всей стране. Весь литературный бомонд Советского Союза стоял на ухах. Как же, Виктор Астафьев обидел грузин! Образ самодовольного буржуа в современной Грузии, Мишико Саакашвили — это же и есть тот самый мальчик Гиви, чье желеобразное тело с трудом помещалось в просторных джинсах. А раки! Расползающиеся

после обглоданной добычи в разные стороны! Мы увидим, как будут разбегаться после сговора в Беловежской пуще эти «раки» ровно через два года, когда Союз предали.

Но Астафьев видел уже тогда! Помню последние его предсмертные строки: «Ухожу с тяжёлым сердцем, нет во мне смирения». И мы уже не сможем узнать, что открылось его непримирённой душе.

Живи и помни

Василий Шукшин в 1970-х в своих рассказах показал импульсивные характеры простых людей из народа: Сашки Ермолаева, Егора Прокудина, Митьки Ермакова, Спирьки-сураза. Их противоречивые взгляды и нелепые поступки — ради защиты собственного достоинства, справедливости, а порой и куража.

Творчество Валентина Распутина — высочайший эталон нравственности. Он, как и Шукшин, тонко чувствовал своё время, когда люди стали терять основы крестьянской морали, будучи оторванными от земли разными обстоятельствами. А главное — смысл существования, тоску и безнадёгу на фоне официального бодрячества, лжи и пофигизма, разъедавшего страну. Сколько горьких наблюдений художника разлито между строк его сюжетов, не менее важных, чем сами

сюжеты. Он видел идеал в праведности образа жизни людей. И, возможно, впервые он — не о женщине, о бабе — о Настёне, Авдотье, Матрёне с болью, как о матери. Жертвенность, сохранившееся понятие стыда, греха, целомудрия... Что она знала за всю свою жизнь? Голод, вилы, навоз, мат бригадира, мужний перегар по ночам... Женщине «эрудированной и покрашенной» этого уже не понять. Потому что жертва принесена биографиями простых деревенских баб. Судьбой поколений.

Распутинское отношение к природе — тоже как к матери и хранительнице всего лучшего в человеке. Много слишком важного сказал Валентин Григорьевич о русском человеке. Поэтому читать нужно не просто его произведения. Читать — Распутина: «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Деньги для Марии», «Уроки французского», «Живи и помни».

Не каждый поэт или писатель может нести по жизни свой крест так мучительно-трагедийно, как Марина Цветаева, так царственно, как Анна Ахматова, так жертвенно и беспечно, как Мандельштам, и рыцарски, как Пастернак. А ведь есть в нашей поэзии Николай Рубцов, Юрий Кузнецов... Великих поэтов — десятки, сотни — прекрасных, тысячи — хороших. Драгоценных поэтических россыпей, строк, строф — не сосчитать. Это попытался сделать Евгений

Евтушенко. Он оставил нам антологию русской поэзии XX века «Строфы века» — 875 авторов.

«Евтушенко совершил поистине титанический труд, составив уникальную, не имеющую аналогов антологию русской поэзии двадцатого столетия «Строфы века», самую полную и объективную по именам и самую субъективную по фильтрационной обработке текстового материала».

Геннадий Красников

Валентину Катаеву в юности повезло прикоснуться к творческой кухне Ивана Бунина. Академик литературы каждое лето проводил в Одессе, и общение с молодым начинающим поэтом занимало его. Катаев потом станет своим в его доме и подробно опишет их личные встречи с совместными мальчишескими выходками, компотами на кухне, стиранием носков и лунными ночными прогулками по берегу моря. Попутно показывая, как ненавязчиво и точно расцветали во время этих прогулок метафоры бунинских поэтических озарений.

Сквозь годы через наивный революционный романтизм автор повести «Белеет парус одинокий» придет к аскетической прозе мовизма, написав итоговые свои произведения: «Алмазный мой венец», «Уже написан Вертер», «Трава забвения», «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона», которые сейчас никто,

пожалуй, и не вспомнит. Но там было много очень важных деталей литературного процесса первых советских десятилетий, размышлений о надеждах и разочарованиях интеллигенции XX века, о нелёгких судьбах авторов, которых Катаев знал лично. А знал он, кажется, всех. Мы студентами зачитывались этими книгами, тогда, в 1970-х, ещё не понимая, что это звучит одинокий серебряный колокольчик уходящего века.

Катаев был последним, кто поддерживал прямое общение с писателями русской эмиграции, последним, кто видел ещё живого Бунина. И последним, кто писал, ломая все правила стиля, оставаясь при этом в бунинской языковой традиции.

Дерево держат корни

Из самой читающей в мире страны сегодняшнее поколение пока умеет, в лучшем случае, бегать глазами по тексту. Невольно вспоминаю, как мы в университете сидели долгими вечерами над текстами Достоевского, конспектируя дополнительно к чтению выдержки из философской и духовной литературы. Где сейчас эти пухлые общие тетради, наше студенческое богатство?

А писательские мемуары, дневники, письма! Какое интеллектуальное наслаждение теряет для поколений. Анализ лично пережитого, набитых синяков,

ссадин, кровавых мозолей. Какие замыслы рождались из этих дневников! Какие романы! Куда там программным алгоритмам...

Традиции эпистолярной культуры... Как же важно уметь вчитываться в текст, постигая скрытые смыслы, смаковать слова на вкус, пробовать метафоры на пряность. Стараться попасть в ритм текста и резонировать с ним. Вот уж когда понесёт так понесёт! По 700 страниц за ночь. С полным анализом. Важно — уметь читать.

При жизни Пушкина мало кто из современников понимал всю глубину лёгких строф в романе «Евгений Онегин». Даже если посмотреть на некоторые факты, реалии и приметы быта, привычек, многое непонятно для современного читателя. Дуэльный кодекс чести, ярмарки невест, светский этикет и др.

Как в алхимических ретортах, в великих творениях всегда есть порталы скрытых смыслов и ассоциаций, неведомые поверхностному взгляду.

Но если мы в советской школе ещё в восьмом классе изучали «Евгения Онегина» с помощью замечательных книг учёного Юрия Лотмана и имели представление, почему роман назвали энциклопедией русской жизни XIX века, значит, можно и сейчас.

Ведь даже ветхое дерево стоит, пока его держат корни. Там, где они есть.

Пушкин научил думать и выражать свои мысли без помощи европейских стилистических конструкций. И оказалось, можно писать просто, как думаешь и дышишь...

Гоголь раздвинул рамки живой разговорной лексики. Лесков расцветил живую речь живописными красками и оттенками. Бунин добавил снайперской точности метафорам и описаниям. От Шергина нам достались дивные обертоны живой авторской речи архангельских поморов. Некоторые тексты обязательно нужно читать вслух, Шергин в их числе. Остальное сделала русская поэзия Серебряного века. Конечно, живой язык впитывает и постоянно накапливает новую лексику и обороты, и это неизбежно. Но язык литературы более консервативен и строг.

Забудем о варварстве современной речи. Почитаем тексты.

Кого, например, смущает звучание слова «обернитесь» в эстрадной песне? Архаика в современном контексте порождает многозначительные ассоциации. «Обернитесь, обернитесь». Почему не «оглянитесь»? И кем обернуться? Лотовой женой? Подспудно же проступает в этом слове и сакральный смысл: обернуться к Содому.

Но из такой работы воображения и вырастают замыслы.

Смущает мягкий знак в стихотворении Андрея Вознесенского «Васильки Шагала»?

*Не протрубили трубы господни
над катастрофой мировой —
в трубочку свёрнутые полотна
воют архангельской трубой!*

Казалось бы, какая архангельская труба, если имеется в виду Михаил, Архистратиг, Святой Архангел. И вдруг видишь: да всё правильно, это же стиль православной традиции. Многие слова звучат в проповедях в старославянском стиле, поднимая уровень послания. А труба архангела может звучать в сферах духа именно ангельским тембром, а опускаясь с горних высот, в плотные слои греха, буквально выть от жалости и гнева.

Так и в слове «васильки» есть отзвук колокольчика. Да и сладкогласые ундины парят здесь в небе, оживляя своим пением музыкальную палитру.

В этом же стихотворении ещё одна дивная аллюзия.

*Выйдешь ли вечером — будто
захварываешь,
во поле угличские зрачки.*

Сразу видишь голубые купола с белыми звёздами Церкви царевича Димитрия на крови в Угличе. А может быть, это глаза убиенного царевича, в которых отражается небо? А сколько ещё там архитектурной готики, серебра и синевы!

Хороший текст невозможно экранизировать, экранизируют отдельные линии сюжета. А текст

живёт своей жизнью, жизнью слова. Неслучайно на экране исторические произведения современного пермского писателя Алексея Иванова превращаются в лубок (диалогия «Тобол»), а сюжетные — воспринимаются адекватно («Граф глобус пропил»). Уже видно, что по той же схеме идёт и съёмка картины по его эпохальной книге «Сердце Пармы». Уверен, снимут и «Золото бунта». Вот этот-то материал как раз подходит по интриге и динамике для киноверсии.

Так и с попытками экранизировать Сергея Довлатова никогда ничего не получится. Экран плоский. Довлатов для него слишком большой. Не помещается со своим громадным ростом. И в то же время он здесь, между строк. Ухмыляется и подмигивает. «Зона», «Соло на ундервуде», «Заповедник», «Иностранка», «Чемодан» — и ведь это всё о том же, о смысле жизни и своём месте в ней. Артистическое чутьё абсурда жизни, щедрая мужская самоирония. Многие пытались копировать его стиль. Но Довлатов непереволим.

Месть Квазимодо

Замечаю, что у моего сына на столе с месяц валяется книга Мураками, распиаренного японского писателя.

— Что, не читается? Неинтересно?

— Так себе, скучно...

Меня это обрадовало.

Каких только тараканов нет сейчас на коммерческом книжном рынке. Зацепить тёмную страстишку, увлечь искусственным сюжетом (их тысячи в компьютерных программах-ботах). Характеры, персонажи и сюжетные линии — за минуты, а нанятый персонал литературных рабов, подьячих лёгкого чтения, готов довести до стилистического блеска любую ахиною. Слаще репы не едали?

Перстень царицы, крыжовник, немного мистики.

Попаданцы! Эти всё куда-то попадают и попадают, хрен знает зачем.

Немного примитивной эротики, самую малость, наелись уже.

Запашок тошнотворно-сладкий из подворотни.

И окошко светится в ночи. Не спится Савелию, ведь это первое его самостоятельное дело...

Чего забыл? Ах, да! Фэнтези... Ну, куда же нам без фэнтези!

Ну-ка, что там шевелится за шторой?

Информационное крепостное право, глобальное, с промытыми мозгами, — похлеще доморощенного российского, XVII-XIX веков. Пока книжный рынок ориентируется на самого невзыскательного потребителя, те же молодые читатели России, взрослая, ищут в прочитанных книгах ответы на свои вопросы, умнеют

и выбирают толстые книги, где есть возможность подумать над текстом.

Современная молодёжь должна жить в состоянии сосредоточенного ума, понимать детали и психологию в противоречиях своего времени. Дураками быть так несовременно...

М. Салтыков-Щедрин: «Воспитывать в нарождающихся отпрысках человечества идеалы будущего, а не подчинять их смуте настоящего». Таким видели в XIX веке, золотом веке русской литературы задачи народного образования великие представители нашей культуры.

Тревога в том, куда в очередной раз повернёт ангажированный интерес, регулирующий общеобразовательную систему. Продолжит плодить потребителей контента, чья судьба — быть «шкурой на чужом барабане»? Сегодня понадобились узкие специалисты, квалифицированные потребители, иконы нового времени — технологии, которые встраиваются в нашу жизнь и

неуклонно изменяют мир. Очень скоро они отменяют человечество.

Граждане-то нам нужны? Свои очарованные странники, мыслители и созидатели, романтики и мечтатели...

Слишком дорого обошлась России ориентация на Запад и его ценности. Пришло время, когда нам жизненно необходимо противостоять коллективному Квазимодо западного мира, который уже не скрывает своих планов физического уничтожения русской цивилизации.

А между тем великая русская литература предвидела развитие такого сценария почти два века назад. Он представлен в повести нашего национального гения Александра Пушкина «Капитанская дочка» в эпизоде с Пугачёвым, захватившим Белогорскую крепость.

Петруша Гринёв с петлёй на шее — это универсальный образ выживания России, которой предлагают поцеловать у злодея ручку. А там, глядишь, и помиует злодей...